

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.3.9>

UDC 572
LBC 86

Submitted: 31.07.2024
Accepted: 01.10.2024

RELIGIOUS NATURE OF HUMAN IN THE LIGHT OF COGNITIVE SYMBOLIC APPROACH

Anastasija A. Zubkovskaya

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the cognitive-symbolic interpretation of the concept of the religious nature of human. The human ability to reproduce religious symbols is considered in the context of anthropological and philosophical observations by S. Langer, D. Sperber, and T. Deacon as, on the one hand, a human need that distinguishes him from animals, and, on the other hand, as a cognitive mechanism that arose as a result of his evolutionary development, associated mainly with his linguistic abilities and social activities. Theoretical observations about the irrational and “illogical” nature of religious symbolism are presented. Religious and scientific reproduction of symbols are compared as different types of abstraction construction. The convergence of artistic and religious symbolic activities is shown. The problem is posed by a comparative study of different types of symbolic activity in art, in myth, and in mathematics. It also indicates the need to develop this issue in line with the study of religious imagination. In the light of the cognitive-symbolic approach, the concept of the religious nature of human is interpreted from a naturalistic point of view as a feature of the human species that arose as a result of cultural and biological evolution.

Key words: cognitive science of religion, symbolism, anthropology of religion, human nature, naturalism, evolution, science and religion.

Citation. Zubkovskaya A.A. Religious Nature of Human in the Light of Cognitive Symbolic Approach. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 74-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.3.9>

УДК 572
ББК 86

Дата поступления статьи: 31.07.2024
Дата принятия статьи: 01.10.2024

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Анастасия Александровна Зубковская

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-символической интерпретации понятия религиозной природы человека. Способность человека к воспроизводству религиозных символов рассматривается в контексте антропологических и философских наблюдений С. Лангера, Д. Спербера и Т. Дикона как, с одной стороны, потребность человека, отличающая его от животных, и, с другой стороны, как когнитивный механизм, возникший в результате его эволюционного развития, связанный главным образом с его языковыми способностями и социальной деятельностью. Излагаются теоретические наблюдения насчет иррациональной и «дологической» природы религиозного символизма. Сопоставляются религиозное и научное воспроизводство символов как разные типы конструирования абстракций. Показано сближение художественной и религиозной символической деятельности. Осуществляется постановка проблемы по сравнительному исследованию разных видов символической деятельности в искусстве, в мифе, в математике, а также указывается необходимость развития этой проблематики в русле изучения религиозного воображения. В свете когнитивно-символического подхода понятие религиозной природы человека интерпретируется с натуралистической точки зрения как особенность человеческого вида, возникшая в результате культурной и биологической эволюции.

Ключевые слова: когнитивное религиоведение, символизм, антропология религии, человеческая природа, натурализм, эволюция, наука и религия.

Цитирование. Зубковская А. А. Религиозная природа человека в свете когнитивно-символического подхода // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 74–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.3.9>

Идея естественной религиозности является одной из самых обсуждаемых в классическом и неклассическом религиоведении. Философский аспект этой проблемы лежит в области общего понимания человеческой природы не только как *homo sapiens*, но также как *homo religiosus*, *homo symbolicus* и т. д. В определенном смысле понятие религиозной природы человека может быть соотнесено с концепцией естественной религии, разработанной в XVII–XVIII вв. в европейской интеллектуальной культуре. Согласно этому взгляду, религиозность является естественной чертой человеческой конституции, поскольку его разум содержит идею Бога от рождения. С течением времени понятие естественной религии уточнялось в зависимости от того, как расширялось и менялось понятие разума и понятие Бога. Однако понимание религии как имманентной способности человека остается одной из ключевых идей в классическом религиоведении и не теряет своей актуальности вплоть до современных когнитивных теорий религии.

Понятие *homo religiosus* использует религиовед Мирча Элиаде в своей исторической концепции манифестации священного. Он понимает религиозность очень широко, по его словам, «...“священное” входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории... На самых архаических уровнях культуры жить, как подобает человеку, – само по себе есть религиозное действие, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность. Другими словами, быть – а еще вернее, стать – человеком означает быть религиозным» [Элиаде 2001, 5]. В классической феноменологии религии религиозная природа человека определяется как некоторая мистическая тайна, заложенная в его душе, она выражается в волнующей связи со священным, не поддающейся внешнему рациональному объяснению.

В противоположность внутреннему эйдетическому опыту священного, который иссле-

дует классическая феноменология религии, антропологические теории, напротив, рассматривают человека в ракурсе его биокультурной эволюции, подвергая религиозный опыт внешнему наблюдению и рационализации. Несмотря на то, что в биологическом определении человеческого вида как *homo sapiens* не содержится никаких указаний на его религиозную природу, одной из имманентных особенностей человека, сложившихся в ходе эволюционной истории, является его мышление и воображение как неотъемлемый когнитивный компонент, дающий человеку способность к воспроизводству вымысла.

Антрополог Терренс Дикон указывает, что возникновение этой способности можно обозначить как некоторый «символический порог» (*threshold*), переступив который человек начал репрезентировать себя как нечто большее, чем *homo sapiens*: он стал *homo faber*, *homo ludens*, *homo loquens* и, наконец, *homo symbolicus* [Deacon 1997, 79]. Человек начал наполнять мир символами, поскольку произошел определенный нейробиологический эволюционный сдвиг, связанный с появлением языка, необходимого для социальной организации. Символизация, как отмечает философ Сьюзен Лангер, является естественной потребностью человека, отличающей его от животных, поэтому о человеке можно говорить как о животном символическом. Она пишет: «Такой базовой потребностью, которая, несомненно, имеется только у человека, выступает потребность в символизации. Символотворческая функция – одна из первичных в человеческой деятельности подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению» [Лангер 2000, 41].

Вербально-символическая деятельность человека конструирует определенную форму окружающего мира и именно из-за символотворчества человеческий мир отличается от мира животных. Так, Сьюзен Лангер отмечает: «Кошачий мир не искажается верованиями и поэтическими выдумками,

которые создает язык, его поведение не теряет своего равновесия из-за бессмысленных церемоний и жертв, характерных для религии, искусства и других причуд фразерствующего ума» [Лангер 2000, 36]. Терренс Дикон пишет: «Мифы, басни, сказки, анимационные мультфильмы и фильмы Диснея изображают то, что, как подсказывает здравый смысл, должно быть на самом деле: другие животные с их более простым разумом общаются и рассуждают на более простых языках» [Deacon 1997, 79].

В символической философии Эрнста Кассирера язык, миф, искусство и наука являются символическими формами, которые можно описать не только как «отпечатки наличной действительности», а, скорее, как «формы чеканки бытия» [Кассирер 2015, 41]. Символические формы конституируют реальность человека в ее единстве и многообразии и, таким образом, он осваивает окружающий мир в процессе естественной истории. Благодаря своему символическому мышлению он способен к воспроизведению религиозной картины мира вне зависимости от того, дает ли она какие-нибудь эволюционные бонусы или остается «побочным продуктом» эволюции.

Символизму посвящено огромное количество научной и философской литературы, поэтому нельзя сказать, что такой дискурс в религиоведении является чем-то существенно новым. Тем не менее с приходом когнитивной научной революции символизм все больше подвергается переосмыслению в контексте исследований когнитивных способностей человека. Антрополог Дэн Спербер проводит разделение между семиологическим и когнитивным истолкованием символизма. Он пишет, что антропологи всегда понимали под символизмом главным образом инструмент социальной коммуникации, в то время как он предлагает рассматривать символический механизм не только лишь как индуцирующийся из человеческого опыта, но как «часть врожденного ментального оборудования, которое делает опыт возможным» [Sperber 1977, xii].

Схожий взгляд мы можем найти и в символической философии Лангер, когда она говорит, что «символизация является домыслительной, но не доразумной. Она – начальная точка всей деятельности разума в человеческом смысле и явление более общее, чем мыш-

ление, фантазирование или воспринимающее действие. Ибо мозг не просто большой передатчик, “сверхкоммутатор”, он похож на большой преобразователь. Поток опыта, проходящий через него, подвергается качественному изменению не посредством того, благодаря чему вошло воспринимаемое, а благодаря первичному использованию, которое происходит от него непосредственно: опыт втягивается в поток символов, составляющих человеческий ум» [Лангер 2000, 42]. Такая точка зрения позволяет рассматривать способность человека к воспроизведению религиозных символов как естественную, переопределяя его религиозную природу в рамках когнитивно-символического подхода.

Говоря о когнитивной природе символических форм, необходимо определить их отношение к категории иррациональности. Так, если наука в классическом понимании рассматривается как строго рациональная деятельность, то искусство и миф чаще всего характеризуются в терминах иррационализма, который в свою очередь анализируется с точки зрения «ошибочности» восприятия. Является ли способность к символизации причиной, по которой человек строит «ошибочную» картину мира? Дэн Спербер приводит пример из своей этнографической поездки к племени дорзе в Эфиопии: «Когда мой друг дорзе говорит мне, что беременность длится девять месяцев, я думаю: “Итак, они это знают”. Когда он добавляет: “Но в некоторых кланах это длится восемь или десять месяцев”, я думаю: “Это символично”. Почему? Потому что это ложь. Однако, надо уточнить. Не все ошибки сразу кажутся мне символическими, а все символические утверждения – обязательно ошибочными» [Sperber 1977, 3].

Он объясняет, что с точки зрения рациональности интеллектуальное усилие при научном объяснении чего-либо пропорционально его цели, которой является верифицированное знание. Символический дискурс не имеет никакой экономии при формировании объяснения, он как бы сохраняет из опыта минимум фрагментов для установления максимума гипотез, не подвергая их проверке, таким образом, его логика непропорциональна результату познания. Проще говоря, в случае рационального объяснения мы имеем дело с ограниченным

знанием в то время как иррациональное объяснение не помещает его в прокрустово ложе строгой теории, в рамках которой все параметры для конструирования реальности даны заранее. Символическое мышление использует утверждение о мире для того, чтобы установить новые отношения между его составляющими, не полагаясь на какую-то заданную научную теорию. Благодаря этому, религиозно-символическая деятельность становится релевантным для субъекта познания когнитивным инструментом, при помощи которого он осваивает окружающую действительность, даже если она в конце концов оказывается наполненной духами и божествами, не имеющими шанса пройти эмпирическую верификацию.

Описывая религиозные верования и практики человека в ракурсе когнитивно-символического подхода, мы можем сказать, что в этом, новом ключе, человек *homo religiosus* из-за того, что он *homo symbolicus*. Символическое содержание религиозного опыта открывает нам новые перспективы в его изучении и интерпретации, а также дает возможность рассмотреть религиозное воображение, понимаемое как воспроизводство религиозных символов, с точки зрения имманентности когнитивных способностей человека. Кроме того, религиозный символизм можно рассмотреть в контексте типологизации символов, предложенной Сьюзен Лангер, в связи с философским исследованием такого феномена как абстрагирование. Она отмечает, что воспроизводство символов – это, в сущности, конструирование абстракций, которые лежат как в основе искусства, так и в основе научного познания. «Однако абстрактность произведения искусства, по-видимому, является чем-то совершенно отличным от абстрактности науки, математики или логики. Это различие заключается не в значении “абстракции”, как можно было бы предположить навскидку; мы имеем дело не просто с двусмысленностью. Как в искусстве, так и в логике (которая доводит научную абстракцию до ее наивысшего развития), “абстракция” – это признание относительной структуры, или формы, отдельно от конкретной вещи (или события, факта, изображения и т. д.), в которой она представлена. Разница заключается в способах дос-

тижения признания в искусстве и науке соответственно; поскольку абстракция обычно выполняется для какой-то интеллектуальной цели, и ее назначение радикально отличается от одного контекста к другому» [Langer 1951, 163].

Лангер объясняет, что художественная интуиция отличается от математической тем, что в основе творческого мышления лежит недискурсивный, отличный от математического, символизм, и их различие, главным образом, определяется языковым выражением того и другого, а также целью, которым должны соответствовать эти выражения. Если строгое научное знание подвергается требованию верификации, то художественная абстракция не следует этой рациональной экономии. В связи с этим Лангер пишет: «Вот почему художественную форму правильнее называть “органической”, а дискурсивную – “систематической”, также вот почему дискурсивный символизм уместен в науке, а художественный символизм – в выражении жизненного (vital) опыта» [Langer 1951, 175].

Религиозную символическую форму вероятно можно соотнести с художественным типом символизации. Миф оказывается близок к искусству не потому что они оба иррациональны и, с точки зрения строгой эмпирической проверки, «ошибочны», но потому что оба используют недискурсивные символы для конструирования абстракций. С этой точки зрения может показаться, что природа художественных символов, вероятно, более интуитивна, чем логика и математика (и тогда религия тоже более «естественна» для человеческого мышления, чем научная картина мира). По словам Лангер, искусство и дискурсивный разум различаются в своих отправных точках логической интуиции, поэтому они выглядят по-разному, однако, как логики, так и художники заинтересованы в создании некоторого единого, тотального целого. Вероятно, из-за этого Платон так эффективно использует мифологические образы для объяснения своей теории.

Можно добавить к этому, что в своем основании оба типа интуиции имеют общую когнитивную архитектуру, поэтому нельзя говорить о том, что математические навыки являются исключительно приобретаемыми в процессе социального научения в отличие от

«врожденной религии». Религиозная природа человека, при этом, не понимается как вера в Бога, данная априори, а скорее, как естественная способность к воспроизводству религиозных символов, проистекающая из общего когнитивного устройства человека. В этом смысле способность к религии возникла как эволюционный продукт.

Нейробиолог Станислас Деан отмечает, что математический язык возникает точно также в процессе эволюционного развития. Он пишет: «Когда наш вид только начал говорить, он, возможно, был способен называть только числа 1, 2, и, возможно, 3. Единичность, двойственность и троичность – это качества восприятия, которые наш мозг вычисляет без особых усилий, не считая их. Следовательно, дать им название, вероятно, было не сложнее, чем присвоить названия другим параметрам, таким как красный, большой или теплый» [Deheane 2011, 80]. Можно ли тогда сказать, что древний человек одновременно с тем, чтобы осмыслить мир, полный духов и божеств, интуитивно осознал, что их *множество*, а затем на протяжении истории был занят тем, что прояснял *сколько* их на самом деле? Совпадение религиозной и математической интуиции в этом аспекте, вероятно, демонстрирует подвижность религиозного символизма и, в некотором смысле, его объяснительную универсальность. Так, недостаточно просто «посчитать» количество божественных персон, нам необходимо объяснить, как работает эта духовно-символическая математика. Впрочем, здесь мы только лишь намечаем перспективу для углубленного изучения и сопоставления различных типов символизма и их функционирования в контексте эволюционного развития культуры и религии, поэтому воздерживаемся от вынесения каких-то определенных тезисов на этот счет.

В целом можно отметить, что в рамках когнитивно-символического подхода религиозная природа человека интерпретируется как естественный эволюционный продукт, способность к символотворчеству и в некотором смысле потребность в воспроизводстве символов для построения актуальной объяснительной модели окружающего мира, которая в то же время способствует его освоению. В рамках такой интерпретации религиозный символизм

может быть сопоставлен с другими типами символизации (художественной, математической и т. д.), а также помещен в контекст исследования природы религиозного воображения и его роли в развитии человеческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кассирер 2015 – Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. Язык. М.: Центр гуманитар. инициатив, 2015.
- Лангер 2000 – Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала, искусства. М.: Республика, 2000.
- Элиаде 2001 – Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2001.
- Deacon 1997 – Deacon T. The Symbolic Species. The Co-Evolution of Language and the Brain. N. Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 1997.
- Deheane 2011 – Deheane S. The Number Sense. How the Mind Creates Mathematics. N. Y.: Oxford University Press, 2011.
- Langer 1951 – Langer S. Abstraction in Science and Abstraction in Art // Structure, Method and Meaning: Essays in Honor of Henry M. Shaffer. N. Y.: Liberal Arts Press, 1951. P. 163–180.
- Sperber 1977 – Sperber D. Rethinking Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

REFERENCES

- Kassirer E., 2015. *Philosophy of Symbolic Forms. In 3 Vols. Vol. 1. Language.* Moscow, Tsentr humanit. initsiativ Publ.
- Langer S., 2000. *Philosophy in a New Key. The Study of the Symbolism of Mind, Ritual, Art.* Moscow, Respublika Publ.
- Eliade M., 2001. *The History of Faith and Religious Ideas. In 3 Vols. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries.* Moscow, Kriterion Publ.
- Deacon T., 1997. *The Symbolic Species. The Co-Evolution of Language and the Brain.* New York, W.W. Norton & Company, Inc.
- Deheane S., 2011. *The Number Sense. How the Mind Creates Mathematics.* New York, Oxford University Press.
- Langer S., 1951. Abstraction in Science and Abstraction in Art. *Structure, Method and Meaning: Essays in Honor of Henry M. Shaffer.* New York, Liberal Arts Press, pp. 163–180.
- Sperber D., 1977. *Rethinking Symbolism.* Cambridge, Cambridge University Press.

Information About the Author

Anastasija A. Zubkovskaya, Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, zubkovskaya@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-6837>

Информация об авторе

Анастасия Александровна Зубковская, кандидат философских наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, zubkovskaya@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-6837>